

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОГО АНАЛИЗА (К 300-летию Российской Империи)

© 2021 г. Н. С. Нижник^{1, *}, Л. А. Нудненко^{2, **}

¹Санкт-Петербургский университет МВД России

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: n.nishnik@bk.ru

**E-mail: nudnenko@rambler.ru

Поступила в редакцию 27.06.2021 г.

Аннотация. Дан обзор XVIII Международной научной конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (К 300-летию Российской Империи)», которая состоялась 29–30 апреля 2021 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России.

Российская Империя на политической карте мира просуществовала с 22 октября (2 ноября) 1721 г. до Февральской революции и свержения монархии 3 марта 1917 г. Российская Империя была третьим по площади из когда-либо существовавших государств (после Британской и Монгольской империй): простиралась до Северного Ледовитого океана на севере и Чёрного моря на юге, до Балтийского моря на западе и Тихого океана на востоке. Российская Империя относилась к числу великих держав наряду с Великобританией, Францией, Пруссией (Германией) и Австро-Венгрией, а со второй половины XIX в. — также Италией и США.

Столицей Российской Империи были г. Санкт-Петербург (1721–1728), г. Москва (1728–1732), затем вновь г. Санкт-Петербург (1732–1917), в 1914 г. переименованный в г. Петроград. Поэтому закономерно, что в г. Санкт-Петербурге, бывшей столице Российской Империи, была проведена конференция, посвященная 300-летию образования Российской Империи.

Конференция была посвящена проблемам, касающимся различных аспектов организации и функционирования государства и права, ретроспективному анализу деятельности государственных органов в Российской Империи. В центр обсуждения были поставлены различные вопросы: характеристика Российской Империи как социоюридического феномена и субъекта легитимного применения государственного принуждения, развитие политико-правовой мысли, нормативно-правовые основания организации и функционирования Российского государства в XVIII — начале XX в., характеристика государственных органов как элемента механизма имперского государства, организационно-правовые основания деятельности органов, осуществлявших управление внутренними делами Российской Империи, а также образ органов государственной власти и должностных лиц — представителей государственной власти.

Ключевые слова: Российская Империя, государство, государственные органы, должностные лица, механизм государства.

Цитирование: Нижник Н.С., Нудненко Л.А. История Российской Империи в контексте теоретико-правового анализа (К 300-летию Российской Империи) // Государство и право. 2021. № 11. С. 186–195.

DOI: 10.31857/S102694520017466-3

HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS (To the 300th anniversary of the Russian Empire)

© 2021 N. S. Nizhnik^{1, *}, L. A. Nudnenko^{2, **}

¹Saint-Petersburg University of MIA of Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

* E-mail: n.nishnik@bk.ru

** E-mail: nudnenko@rambler.ru

Received 27.06.2021

Abstract. The review of the XVIII International Scientific Conference “State and Law: evolution, current state, development prospects (to the 300th anniversary of the Russian Empire)” was held on April 29–30, 2021 at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs.

The Russian Empire existed on the political map of the world from October 22 (November 2), 1721 until the February Revolution and the overthrow of the Monarchy on March 3, 1917. The Russian Empire was the third largest state that ever existed (after the British and Mongolian Empires): It extended to the Arctic Ocean in the north and the Black Sea in the south, to the Baltic Sea in the west and the Pacific Ocean in the east. The Russian Empire was one of the great powers along with Great Britain, France, Prussia (Germany) and Austria-Hungary, and since the second half of the XIX century — also Italy and the United States.

The capital of the Russian Empire was St. Petersburg (1721–1728), Moscow (1728–1732), then again St. Petersburg (1732–1917), renamed Petrograd in 1914. Therefore, it is natural that a conference dedicated to the 300th anniversary of the formation of the Russian Empire was held in St. Petersburg, the former imperial capital.

The conference was devoted to problems concerning various aspects of the organization and functioning of the state and law, a retrospective analysis of the activities of state bodies in the Russian Empire. The discussion focused on various issues: the character of the Russian Empire as a socio-legal phenomenon and the subject of the legitimate use of state coercion, the development of political and legal thought, the regulatory and legal foundations of the organization and functioning of the Russian state in the XVIII century — at the beginning of the XX century, the characteristics of state bodies as an element of the mechanism of the imperial state in Russia, the organizational and legal bases of the activities of bodies that manage the internal affairs of the Russian Empire, as well as the image of state authorities and officials-representatives of state power.

Key words: The Russian Empire, the state, state bodies, officials, the mechanism of the imperial state.

For citation: *Nizhnik, N.S., Nudnenko, L.A. (2021). History of the Russian Empire in the context of theoretical and legal analysis (To the 300th anniversary of the Russian Empire) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 186–195.*

Для обсуждения проблемных вопросов ретроспективного и теоретико-правового анализа, касающихся Российской Империи, в рамках конференции «Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (К 300-летию Российской Империи)» объединились исследователи Российской Федерации, Беларуси, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана. Широка география российских участников конференции (Барнаул, Белгород, Владивосток, Волгоград, Екатеринбург, Иркутск, Калининград, Краснодар, Москва, Мурино, Нижний Новгород, Новороссийск, Омск, Орел, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Усинск, Челябинск).

Л. В. Карнаушенко, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, д-р ист. наук, проф., подчеркнул, что именно имперская форма организации государства за всю историю человечества показала себя в качестве одной из эффективных, причем не только в прошлом, но и в современную эпоху. Классический облик империи также претерпевает изменения по мере движения социальной системы к глобальному информационному миру. Мнения о том, что империи постепенно «отживают свой век», уступая место другим формам государства, могут быть поставлены под сомнение. Гипотезы ученых о том, что по мере общественного, научно-технического, социокультурного прогресса будет меняться форма государства, в частности, появляться какие-то принципиально новые формы, по мнению докладчика, оказались

несостоятельны. Вполне закономерным выглядит тот факт, что наблюдается некоторый ренессанс имперских традиций в социуме XXI в. Как развитие такого вывода Л. В. Карнаушенко рассматривает проекты образования мирового государства и мирового правительства, а также глобального правления без создания такого правительства на основе деятельности сетевых структур. В указанном направлении движется в последние десятилетия и развитие Европейского Союза. Глобальное информационное общество XXI в. — принципиально новая форма социальной системы. Новый уровень глобального управления был достигнут посредством биополитики (господства над субъективным) и нового политического механизма, способного координировать динамику капитализма. Политическая форма управления этим процессом выразилась в виде «мирового дисциплинарного квазигосударства», «аппарата глобального управления» — Империи. Империя концептуализировалась как новый «политический субъект», «новый вид суверенитета, который приходит на смену слабющему национальному суверенитету государств. Глобальное информационное общество не только не способствовало генезису условий для исключения «ренессанса» имперского типа государства; более того, оно привело к тому, что возникли возможности для появления империй уже в социуме XXI в. В результате этого не был утрачен и ключевой стимул генезиса империй — экстенсивное развитие за счет привлечения новых территорий и финансовых ресурсов, а шире — факторов

производства. Именно этот парадокс глобального информационного общества XXI в. не только не снял риски ренессанса империй, но и лишь усилил их. Примером может быть осуществление в Европейском Союзе «мобилизационной» вакцинации с существенным ограничением гражданских прав и свобод от коронавируса (COVID-19) на фоне усилившейся пропагандистской атаки на те вакцины, которые произведены «неродственными» для ЕС структурами. Введение существенных ограничений прав и свобод граждан, отказавшихся от процедуры вакцинации, — типичный пример попыток возрождения империи, но уже в новом «электронном» качестве (как и в аспекте принимаемых политических и экономических мероприятий).

М.Г. Чесовская, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина, канд. ист. наук, доц., отметила, что создание Европейского Союза с его частичным отказом от принципа национального суверенитета и споры о возможности его нарушения во имя «гуманитарной интервенции» заставили многих усомниться в национальной государственности как принципе организации современного политического пространства. Термин «империя» использовался как символ репрессивной, дискриминационной политики, недемократического режима. Негативные интерпретации империи накапливались, начиная с эпохи Нового времени, и сложились в рамках современного представления о национальной государственности как о нормативном политическом порядке. В то же время негативное представление об империи не стало препятствием для использования её государственных форм для утверждения колониального господства, которое оправдывалось «цивилизующей» ролью Запада в просвещении «отсталых» народов. Тем не менее усилившиеся в XX в. негативные представления об имперской государственности способствовали ужесточению критики её исторического опыта, который воспринимался как опыт преимущественно неевропейских народов. Однако отношение к концепции империи меняется в связи с бурными переменами эпохи глобализации и необходимостью борьбы с транснациональным монополизмом и новыми угрозами национальной безопасности. Трудности утверждения имперской парадигмы сопряжены с неэффективностью режима национального суверенитета и основанного на нем международного права перед лицом этих новых угроз. В этих условиях возникает возможность синтеза ревизионистских попыток обосновать категорию «империя» в качестве альтернативы категории «национальный суверенитет».

Р.Т. Москвина, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), канд. ист. наук,

доц., обратила внимание на имперские традиции российской государственности. Проблема персоналистского характера российской власти, полагает Р.Т. Москвина, заключается в том, что личности фактически подменяют собой институты и органы власти, а межличностные связи заменяют элементарные управленческие отношения. Следствием преимущественно личностного характера функционирования политических институтов является то, что основной метод правления — произвол властителя. В государствах европейской цивилизации авторитарная природа власти ограничивается в ходе буржуазных революций, так как получают развитие механизмы, контролирующие власть в лице структур гражданского общества, независимых СМИ, взаимного контроля ветвей власти и т.д. В результате буржуазных революций власть смещается в политические институты. Процесс институционального оформления власти начинается с утверждения принципа разделения властей, формирования структур гражданского общества как безусловных гарантий основных прав и свобод граждан. Механизмы, сдерживающие произвол властителя, не получили развития ни в Российской Империи, ни в СССР. Единственной возможностью корректировки правительственного курса является влияние «теневой власти», в лице фаворитов и временщиков, ближайшего окружения первого лица. Проблема заключается в том, что такая корректировка правительственного курса производится, как правило, в интересах «теневиков». Мафия как разновидность теневой власти, означающая союз трех сил (организованной экономической преступности, организованной уголовной преступности и отдельных представителей государственных структур), получила развитие в СССР (1970—1980) с появлением теневой экономики. Таким образом, «теневая власть» как совокупность незаконных, нелегитимных структур, влияющих на процесс принятия и содержание, а также форму реализации властных решений, есть неизбежное следствие персоналистского характера российской власти. Насильственное, проводимое политической элитой одномоментно комплексное замещение одной правовой и в целом культурной системы другой, с совершенно иным содержанием элементов, замещающих прежние, дает основание говорить о своего рода культурной катастрофе. Поскольку процесс замещения шел не постепенно «снизу» данной культурной системы, а «сверху», именно право являлось инструментом проведения преобразований в обществе. Другим следствием преимущественно личностного характера функционирования политических институтов является опора на бюрократию и силовые структуры, которые получают в этих условиях гипертрофированное развитие. Собственно государство

это и есть организация профессиональных управленцев, имеющая своей целью сохранение общественной целостности. Особенность бюрократии в том, что она имеет свойство распускать существо вопроса в бюрократические формы и, как правило, старается ничего не решать, не берет на себя ответственность, что, в конечном счете, парализует функционирование властных структур. При этом формируется тип исполнительного распорядителя, происходит своеобразная отрицательная селекция в рамках бюрократической системы. Отрицательные качества уже новой российской бюрократии — логическое следствие ее положения во властных структурах. Продажность, преследование узких, своекорыстных, корпоративных интересов характеризуют бюрократию во все времена ее существования. Самое пагубное следствие и непереносимое условие доминирования бюрократии — нищета подвластных, обуславливающая их бесправие. Нищета и бесправие — две стороны одной медали. Нищий, а следовательно, и бесправный человек не способен к сопротивлению власти, склонен к патернализму, ориентации на персону властителя, а не на объективные элементы политической системы. Личности, подменяя институты или органы власти, деформируют или формируют их в соответствии с собственными потребностями.

Л.А. Костогрызова, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), канд. юрид. наук, доц., дала характеристику особенностей Византийской империи, подчеркнув, что последняя отличается от западноевропейских средневековых государств по многим параметрам: 1) спецификой образования: в отличие от европейских — варварских государств, слабо ощутивших влияние римской цивилизации, в Византии произошел континуитет — трансформация органов Римской империи и их приспособление к новым реалиям; 2) отсутствием феодализма в привычном западноевропейском понимании; 3) наличием систематизации норм права (Кодекс Феодосия конца IV в., Свод гражданского права Юстиниана середины VI в., Эклога VIII в., Эпанагога IX в., Василики начала X в.); 4) в Византии оформилась церковь как организация верующих, которыми являлась большая часть ромеев — граждан государства; церковь стала юридически значимой организацией, статус её главы (константинопольского патриарха) был закреплён законодательно в Эпанагоге, а церковные каноны являлись источником права; 5) в Восточной Римской империи существовало государственное право, которое регулировало сферу деятельности органов власти и которое было формально закреплено и базировалось на определенных принципах. Византия, полагает Л.А. Костогрызова, уникальное средневековое государство с ограниченной

монархией — ограниченной не представительным органом, как это было в государствах Западной Европы, а особым образом. Власть василевса была ограничена: законом (регламентированы его полномочия); канонами (которые василевс не должен был нарушать); церковью (патриарх — фигура, по выполняемым компетенциям равная василевсу); различного рода формальностями, связанными с церемониалом; отсутствием закона о престолонаследии, что напрямую связано еще с одним ограничением — волей народа. Роль народа в политической сфере была большей, чем избрание и смещение императоров, так как император должен был культивировать общественное мнение и держать его на своей стороне, а стоило ему отвлечься, находилось множество конкурентов на трон. Поэтому политики в Византии всегда были народными, а чьё-то пребывание на троне было выражением общественного мнения. Ещё одной отличительной чертой Византии является наличие огромного бюрократического аппарата, но в его организации есть особенности: 1) обязанности высших чиновников были закреплены законодательно; 2) функции чиновников переплетались; 3) стабильная работа чиновников, т.к., несмотря на частую смену императоров, управленческого кризиса не было.

Т.А. Алексеева, профессор-исследователь факультета права НИУ «Высшая школа экономики» (г. Москва), канд. юрид. наук, доц., посвятила свое исследование статусу императора по Конституции Бразилии 1824 г. Основными признаками, характеризующими статус императора Бразилии по Конституции 1824 г., Т.А. Алексеева назвала: систему четырех властей (законодательная, «сдерживающая», исполнительная и судебная); положение императора как верховного главы нации; полномочия императора как обладателя «сдерживающей власти»; положение императора как главы исполнительной власти.

Я.Л. Салогуб, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, канд. ист. наук, сделала доклад о территориальной экспансии как формы существования империи. Территориальная экспансия, подчеркнула Я.Л. Салогуб, проявляется в динамичности пространства и подвижности границ. Возможность расширения территориальных пределов имеет объективную и субъективную составляющую, где объективным является комплекс причин, поставивший государство перед необходимостью приобретения новых территорий, субъективным — способы приобретений как мирными средствами, так и путем завоеваний. Легитимность или нелегитимность способа зависела от конкретной исторической эпохи. Главными способами строительства колониальных империй «Великих европейских держав» в XVII–XIX вв.

стали договорные и недоговорные способы приобретения территорий, ранее являвшихся составной частью другого государства. Договорной способ предполагал цессию (уступку, передачу) территории в различных формах (покупка, мена, безвозмездная уступка обычно по мирному договору) и аренду. Недоговорным способом приобретения признавалось завоевание, а также приобретение территориального суверенитета в результате длительного фактического владения — «давности». Конец XIX в. завершил колониальный раздел и положил начало новому периоду международных отношений, в которых «сольные партии», выражаясь языком периода «европейского концерта», играла небольшая группа держав. Изменился характер колониальных войн. Новые территории стали удерживаться не для придания им статуса «национальных», а для утверждения присутствия и расширения зоны своего геополитического влияния. По этой причине на смену открытой экспансии и аннексии, т.е. завоеванию, пришли правовые способы временного приобретения территории в форме «неравноправных договоров»: международного договора аренды территории и концессии — специального одностороннего акта государства в форме особого договора, предусматривавшего предоставление территории для осуществления определенных видов экономической деятельности (строительство железных дорог и каналов, освоение сырьевых ресурсов). Не оспаривая верховные суверенные права титульного государства, арендованные и концессионные территории имели особый статус и государственно-правовой режим регулирования, определявшийся международными договорами и политическими целями государств-арендаторов и концессионеров.

Характеристике органов государственной власти посвятил свое исследование **П.Д. Николаенко, профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р ист. наук, доц., заслуженный работник высшей школы РФ**, который на основе анализа многочисленных правовых актов и практики их реализации изучил проблемы функционирования государственных органов в условиях становления Российской Империи в целом и проблемы противодействия казнокрадству и взяточничеству в первой четверти XVIII в., в частности.

В Российской Империи в правление Государя Императора Петра I казнокрадство и взяточничество стали тотальным злом, считает П.Д. Николаенко. Петр I принимал всевозможные меры для беспощадной борьбы с расхищателями государственной казны. В 1713—1725 гг. верховная власть практически ежегодно принимала правовые акты, направленные на ужесточение ответственности государственных чиновников за казнокрадство

и взяточничество. И хотя эти виды преступления оставались «непотопляемым социальным бедствием», Государь Император Петр I боролся с теми, кто стремился обогатиться за счет казны.

К характеристике правового статуса органов государственной власти Российской Империи обратился и **Д.В. Соколов, доцент кафедры профессиональной деятельности сотрудников подразделений охраны общественного порядка Нижегородской академии МВД России, канд. юрид. наук**, который подчеркнул, что Учреждение Правительствующего Сената от 26 декабря 1916 г. существенно изменило структуру Сената и организацию его работы: 1) Сенат был разделен на четыре номерных департамента (ст. 12); 2) были повышены квалификационные требования к сенаторам (требовалось наличие высшего образования при сохранении возможности назначения на сенаторские должности гражданских и военных чинов) (ст. 8); наличие юридического образования не требовалось, что вызывало нарекания современников; 3) были определены новые полномочия Первого департамента Сената по рассмотрению дел различных категорий, в частности, возникающих из отношений, связанных с выборами в Государственную думу и Государственный совет, проведением торгов и заключением договоров в интересах казны, а также общего надзора за законностью действий органов и должностных лиц, подчиненных Сенату (ст. 20) (что указывало на сохранение у Правительствующего Сената судебных, административных и некоторых надзорных полномочий); 4) состязательность сторон в процессе рассмотрения дел Правительствующим Сенатом закреплялась по-новому: частные лица получили разрешение принимать личное участие в судебных заседаниях и участие через поверенных (ст. 45) (это нововведение повышало статус Правительствующего Сената как судебного органа, но непосредственное участие частных лиц и их поверенных обеспечивалось через соответствующего делопроизводителя канцелярии Правительствующего Сената (ст. 68), что ограничивало равноправие сторон, участвовавших в процессе рассмотрения дел). Изменился порядок подсчета голосов сенаторов при рассмотрении дел и исключении мнений министров и главноуправляющих из числа голосов, влияющих на принятие решения (ст. 92, 104) (порядок подсчета голосов фактически требовал от сенаторов, выразивших особое мнение, присоединяться к мнению большинства). Уреждение Правительствующего Сената от 26 декабря 1916 г. закрепило предпосылки для разделения властей в государстве: влияние обер-прокуроров Сената на принятие решения сенаторами было минимизировано (ст. 84); министр юстиции сохранил возможность надзора за производством в Общем собрании Сената (ст. 33), а также распределял

финансирование на содержание канцелярии Сената и формировал ее состав (прим. к ст. 259). Решениям Сената была придана высшая сила (ст. 222), апелляция на его решения не производилась.

На формирование правовых традиций в Российской Империи обратил внимание **Я.Л. Алиев, профессор кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф.**, который подчеркнул, что в Российской Империи формировались традиции правового регулирования общественных отношений и традиции организации и функционирования органов государственной власти. Традиции организации и осуществления полицейской деятельности, полагает Я.Л. Алиев, есть составная часть государственных и национально-культурных традиций России как единого и одновременно множественного государственно-национального образования; в своем происхождении, формировании и развитии, а также в формах проявления и реализации в общественном сознании и социальной практике народов России они отражают все элементы их духовного мира, всю гамму социально-политических норм, правил и государственно-правовых установлений.

На традициях формирования правовой идеологии в Российской Империи сосредоточил внимание **М.В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ.** Как часть правовой идеологии М.В. Бавсун рассматривает уголовно-правовую идеологию, которая в теоретической юриспруденции должного осмысления не получила. В Российском государстве в зависимости от факторов политического, экономического, социального, психологического характера к сфере уголовно-правового регулирования относились по-разному. Идеи возмездия и устрашения, справедливости и исправления, а также компромисса и тотальной гуманизации наказания последовательно сменяли друг друга. Реализация каждой идеи отражала потребности государства в противодействии преступности и сопровождалась изменениями уголовного законодательства. Самостоятельное изучение понятия «уголовно-правовая идеология» и содержания уголовно-правовой идеологии имеет принципиально важное значение для определения концепции развития уголовного закона и тех средств, которые оказывали бы больший эффект на лиц, совершивших преступление в Российской Федерации.

А.Н. Самарский, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, канд. пед. наук, обратился к важному правовому акту Российской Империи — Акту о престолонаследии 1797 г. А.Н. Самарский подчеркнул, что вышеназванный Акт имел существенные отличия от Указа Петра I и привносил

изменения, определяющие порядок наследования. Основные отличия акта Павла I состояли прежде всего в том, что Государь Император не мог самостоятельно определять себе наследника, желание монарха не учитывалось даже при наличии завещания с его волеизъявлением. Данное положение было включено Павлом I как усвоенный урок правления Петра I, когда возможность выбора наследника, закрепленная в пунктах документа, породила череду дворцовых переворотов. Учитывая ошибки прошлого, Акт о престолонаследии 1797 г.: 1) определял право наследования только по закону; 2) закреплял гендерные приоритеты наследования и вступления на престол (приоритет наследников мужского пола был заимствован из австрийской «полусалической» примогенитуры, исключающей возможность вступления на престол женщин); 3) закреплял правила регентства (возрастом совершеннолетия наследника признавались 16 лет, до наступления которых наследник не мог претендовать на престол без наличия опекуна); 4) запрещал вступление на престол лицам, не принадлежавшим к Православной Церкви (наследник престола и его супруга должны быть крещены в православной вере); 5) закреплял невозможность вступления на российский престол того, кто царствует уже на престоле другого государства.

П.А. Астафичев, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., обратился к анализу идеи ограничения самодержавия как традиции общественно-политической мысли в Российской Империи. П.А. Астафичев пришел к выводу, что российский конституционализм в своей ретроспективе может быть истолкован как внутрисистемный реформизм, имевший целью преобразование самодержавия в России в правовое государство. Обосновывая эту идею, ученый исследует «Русскую Правду, или Заповедную государственную грамоту великого народа российского, служащую заветом для усовершенствования России и содержащую верный наказ как для народа, так и для временного верховного правления» П.И. Пестеля (1823) — программный документ Южного общества декабристов.

М.О. Тяпкин, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России, д-р ист. наук, доц., сосредоточил интерес на проблемах нормативного регулирования системы лесопользования в Российской Империи, генезис которой сопровождался постоянным поиском оптимальной модели функционирования нижнего звена лесоохраны — лесной стражи. В 1837 г. было образовано Министерство государственных имуществ, а спустя два года — Корпус лесничих, входивший в его структуру, который получил военное устройство. Милитаризация лесного ведомства,

полагает М.О. Тяпкин, затронула и лесную стражу. Военно-лесная стража получила право пользования служебными земельными наделами, домами (кордонами), «дарами леса», снабжалась форменным обмундированием и оружием, имела ряд других прав и преимуществ. Во второй половине XIX в. произошла демилитаризация лесного ведомства: после принятия в июне 1869 г. Положения о лесной страже в казенных лесах лесная стража была заменена постоянными лесниками и объездчиками, действовавшими на профессиональной основе.

А.В. Кашеев, ученый секретарь ученого совета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (г. Минск), канд. ист. наук, осуществил анализ конфессионального фактора развития Российского государства и общества в конце XIX — начале XX в. Конфессиональная принадлежность была одним из ключевых маркеров российского общества того периода. Законодательством определялась неразрывная связь национальной и конфессиональной принадлежности, поэтому мероприятия по распространению православия зачастую рассматривались как политика русификации, католичества — колонизации, лютеранства — онемечивания. Даже послабления в вероисповедной политике, вызванные революционными потрясениями 1905—1907 гг., привели не к свободе совести, а к свободе вероисповедания. Каждой конфессии, подчеркивает А.В. Кашеев, в Российской Империи отводилось свое место. Доминирующее положение занимало православие, которое являлось государственной религией. Переход неправославных подданных Российской Империи в православие поощрялся, а переход из православия в иную конфессию ограничивался на протяжении всего XIX в. и стал возможен только с 1905 г. При этом религиозная организация православия с 1721 г. находилась под контролем государства, а органы управления различных уровней во главе со Святейшим Синодом являлись частью государственного аппарата Российской Империи. Светское начало в Святейшем Синоде в лице Обер-прокурора было влиятельнее духовного, представленного высшим православным духовенством. Такой же контроль испытывали другие конфессии, однако они не имели равной православию поддержки, а в некоторых губерниях, где конкурировали с ним, подвергались различным ограничениям. Крупнейшими конфессиями Российской Империи помимо православной были католическая, лютеранская, мусульманская и иудейская. Контроль над неправославными конфессиями осуществляло специально созданное в 1832 г. государственное учреждение — Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Российской Империи. В целом действующие в Российской Империи религиозные организации и культы образовывали три группы:

1) православие как государственная религия и лояльная по отношению к правительству; 2) «терпимые» конфессии, за которыми признавалось право на существование, однако их деятельность находилась под контролем и зачастую ограничивалась; 3) запрещенные или непризнанные культы и секты, деятельность которых пресекалась, а последователи и «проповедники» подвергались преследованию (в XIX в. к ним относилось и старообрядчество). Такое деление обуславливалось представлениями о благонадежности и возможностью делегирования части государственных полномочий религиозным организациям, например, в сферах образования, семейно-брачных отношений, наследственного права, учета населения.

Важными вопросами для обсуждения стали проблемы межнациональных отношений в Российской Империи.

И.Б. Ломакина, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ, д-р юрид. наук, проф., обратила внимание на то, что в составе Российской Империи проживали кочевые общества — общества сибирских аборигенов, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни и подвергнувшихся российской аккультурации по мере включения их в Российскую Империю. Процесс включения сибирских коренных народов в социокультурное пространство Российской Империи в исторической литературе был обозначен как «российское завоевание», «российская колонизация». И.Б. Ломакина на конкретных примерах, используя статистические данные, доказывает, что «завоевания» сибирских народов было чаще мирным, в отличие от западно-европейской экспансии, в ходе которой большая часть коренного населения (например, индейцы) либо вымерли, либо их численность существенно сократилась. Численность сибирского аборигенного населения увеличилась. Сохраняя прежнюю систему родового управления, соционормативную систему сибирских аборигенов, российская бюрократия пыталась оградить местное население от русского торгового капитала. Эти мероприятия проводились с целью предотвращения разорения аборигенного населения. Нормативное закрепление получили важные правила: территория Сибирского края получила особый статус государственных земель; местное коренное население, ведущее традиционное хозяйство, наделялось юридическим статусом российских подданных (ясачных — плательщиков ясака (налогов, сборов и т.д.)), главная обязанность которых перед государством заключалась в уплате налогов, сборов, различных повинностей; ввиду возможного разорения сибирских аборигенов ограничивались юридические сделки с русскими купцами; легитимировалась этническая

нормативная система (обычное право); признавались родовые органы управления, в т.ч. и судебные. О вдумчивом и уважительном отношении властей к обычному праву сибирских аборигенов свидетельствует преподавание в Томском университете, одном из старейших учебных заведений Сибири, обычного права коренных народов Сибири, для чего привлекались кадры из местного аборигенного населения.

В 1812 г. в состав Российской Империи вошла Бессарабия, констатировала Л.П. Заболотная, ведущий научный сотрудник Национального музея истории Молдовы (г. Кишинев), д-р ист. наук, доц. Нормы российского права в начале XIX в. значительно отличались от автохтонного права Бессарабии. Такие отличия имели различные сферы регулирования общественных отношений, в частности, семейное право: молдавские женщины имели равные имущественные и наследственные права с мужчинами на движимое и недвижимое имущество, могли инициировать разводы и повторно вступать в брак, самостоятельно управлять своим приданным и собственными деньгами, супруг не имел право отчуждать и пользоваться имуществом супруги без ее ведома, имущество жены не подвергалось конфискации, в случае государственной измены супруга и полной конфискации его имущества, жены не обязаны были сопровождать своих мужей на каторгу. При включении Бессарабии в состав Российской Империи одним из направлений правовой аккультурации стало внесение изменений в национальное семейное процессуально-гражданское законодательство.

М.К. Тагаев, генеральный директор ООО «Централ Азия Транзит» (Кыргызстан, г. Бишкек), исследовал проблемы сохранения национальной идентичности окраин Российской Империи. Вхождение кыргызского народа в конце XIX в. в состав Российской Империи, полагает М.К. Тагаев, потребовало от кыргызов использования новых форм общественно-государственного уклада. Но традиции и обычаи самоорганизации кыргызского народа утрачены не были; они до сих пор не потеряли своего значения. Самоуправление кыргызов в Российской Империи было построено на принципах военно-народного управления, на сочетании жизни в полицейском государстве с сохранением национальных управленческих и культурных традиций. Обычное право продолжало сохраняться как важный социальный регулятор.

На особенности организации системы управления в Туркестанском крае, вошедшем в состав Российской Империи на основании договора между Российской Империей и Бухарой 1868 г., обратил внимание А.Р. Абдулло, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 «Правоведение» Академии МВД Республики Таджикистан

(г. Душанбе). Общее руководство управлением в крае осуществляли Туркестанский генерал-губернатор и военные губернаторы областей, назначаемые Государем Императором Российской Империи. При выполнении задач правоохранительного характера, в частности, пресечения совершения тяжких преступлений (убийств, разбоев, грабежей, сопротивления власти), генерал-губернатор мог использовать право предания виновных военному суду для осуждения по законам военного времени. Отдельные правоохранительные функции в Туркестанском крае выполняли органы общественного управления: аксакальство — у оседлых «туземцев», аульное общество — у кочевых населения. Основной структурой для управления и тех и других была волость, которой заведовал выборный волостной управитель. Представителями местного «туземного» населения были выборные сельские старшины, которые осуществляли полицейские функции, т.е. в сельской местности у оседлых и кочевых народов Туркестана действовали органы общественного управления, которые выполняли административно-полицейские функции под контролем государственных органов.

Г.А. Скипский, доцент кафедры теории и истории государства и права Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), канд. ист. наук, доц., охарактеризовал политику Российской Империи на Кавказе в конце XIX — начале XX в. Центральная власть во всех национальных окраинах Российской Империи традиционно стремилась избегать методов силового принуждения или жесткого администрирования. Как правило, чиновники всегда стояли перед дилеммой: с одной стороны, реализовывать политику в интересах центральной власти, с другой — учитывать сложившиеся вековые традиции и специфику правового сознания местного населения. В этом плане на Кавказе причудливо сочетались адаты, шариат и православное каноническое право (в Грузии) при сохранении обычаев кровной мести. В ходе полувекового кровопролитного противостояния Кавказской войны в крае сложилась своеобразная система военно-народного управления. Она символизировала наступление определенного межэтнического, межкультурного, и междисциплинарного перемирия. Совместное обеспечение социально-экономического и культурного процветания края при активном участии всех сторон (горцев, казачества, т.н. «иностранцев», представителей администрации) являлось важнейшим условием предупреждения угроз возобновления крупномасштабного вооруженного конфликта.

Окончание Кавказской войны произошло не потому, что горцы потерпели военно-политическое поражение, а потому, что они сами признали себя побежденными. Этому способствовали и действия

администрации, нацеленные на разъяснение прав жителей горных районов Чечни и Дагестана, убеждали в неприкосновенности религиозных чувств и местных адатов. Тем не менее, судя по принципам комплектования органов местной власти на Кавказе, чиновники первоначально не выказывали по отношению к горцам полного доверия. Его было нужно заслужить годами беспорочной службы, чтобы продвинуться хотя бы на средний уровень административной иерархии края. Поэтому традиционная ранее практика выборов при занятии административных постов в местном управлении достаточно быстро сменилась на императивный принцип назначения. Но уже в 1880-х годах администрация Российской Империи посчитала, что период культурной ассимиляции местной родоплеменной и феодальной знати прошел в достаточной степени, поэтому, спустя срок смены всего лишь одного поколения горцев, на Северном Кавказе систематически стали предприниматься меры к созданию кадров чиновников из числа «образованных туземцев».

На особенностях международных отношений Российской Империи, дунайских княжеств и балканских государств сосредоточил интерес **В.И. Цвиркун, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Молдова в Государстве Катар, д-р ист. наук, д-р пед. наук, проф.** Наряду с Саввой Рагузинским-Владиславичем и Томой Кантакузино одной из ключевых фигур политики, проводимой правительством Российской Империи в Дунайских княжествах и на Балканах, констатировал В.И. Цвиркун, был Димитрий Кантемир. На протяжении длительного времени политическая и государственная деятельность Д. Кантемира в России не являлась предметом научного исследования ученых. Более того, ряд из них вообще отрицали факт участия бывшего молдавского господаря в политической и государственной деятельности. Вопреки этим утверждениям, В.И. Цвиркун на основе анализа широкого круга архивных документов пришел к иному выводу. Нужда в советах и консультациях Д. Кантемира по вопросам военного и политического состояния Турции, а также перспектив развития российско-турецких отношений убедила Государя Императора Петра I поторопить приезд князя из Харькова в Санкт-Петербург на «большой совет», куда были созваны все сенаторы и генерал-губернаторы. Д. Кантемир принимал участие в секретных совещаниях при монархе, он был введен в состав Правительствующего Сената и «пожалован тайным советником». Продолжавшееся военное и политическое противостояние Российской Империи и Османской империи, многолетнее балансирование на грани войны и мира, чреватое новым вооруженным конфликтом, выдвигали Д. Кантемира — глубокого знатока языка, традиций и политических

настроений правящей элиты Порты, в число наиболее компетентных людей.

Российскую Империю как субъект международных отношений охарактеризовала **Е.А. Сорокина, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва), канд. ист. наук.** Особое внимание Е.А. Сорокина уделила анализу российско-шведских отношений в XVIII в. В 60-е годы XVIII в. в Российской Империи возросло общее количество мануфактур, в т.ч. производящих полотно и сукно (важных статей экспорта для кораблестроения и снабжения армии), а также и чугуноплавильных мануфактур (поставки железа в то время — важная экспортная статья экономики Российской Империи). Становление и развитие европейского экономического рынка предполагало не только торговые взаимоотношения различных стран и возможное взаимное соперничество на этом рынке. Российская Империя и Швеция имели схожий ассортимент экспорта. Шведская меркантилистская политика, осуществляемая в том числе и с помощью принципов протекционизма, содействовала укреплению национальной экономики и государства и была отражением интересов торгового и ростовщического капитала. За время действия такой политики во второй половине XVIII в. в Швеции количественно вырос флот, возросла протяженность рейсов морских судов. Русская дипломатия, следуя своим политическим интересам и целям, действовала в направлении создания единой политической системы, включающей Российскую Империю, Швецию, Великобританию. И в то же время Российская Империя и Швеция все активнее конкурировали в продаже своего железа на английском рынке. Политические цели и интересы Российской Империи находили свое отражение в торгово-экономической политике, отражающей и общую экономическую конъюнктуру и процесс складывания европейского рынка, до настоящего времени опирающийся на традиции, сложившиеся в XVIII — начале XX в.

Характеризуя проблемы образования и науки, **Н.Н. Зипунникова, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург), канд. юрид. наук, доц.,** отметила, что необходимость дисперсного размещения высших учебных заведений в Российской Империи в XVIII в. стала остро ощущаться: концентрация высших учебных заведений лишь в столичных городах могла оказать негативное влияние на освоение новых территорий и социально-экономическое развитие российской провинции. В 1803 г., помимо имевшихся университетов в Москве, Вильно, Дерпте и учреждаемых «в округе Санкт-Петербургском, в Казани и Харькове», планировалось создание университетов

в Киеве, Тобольске, Устюге Великом. Остроту приобретал вопрос об организации университета в Сибири, решившийся лишь к концу столетия поэтапным открытием Томского императорского университета. Значимым при рассмотрении образования и науки сквозь «имперскую оптику» видится опыт познания (как исследования, так и преподавания) местных узаконений Российской Империи, полагает Н.Н. Зипунникова. Одной из отличительных черт правовой системы стало формирование двух уровней в системе права Российской Империи — общегосударственного и местного. Российское правоведение в исследовании вопросов местного права развивалось преимущественно в связи с потребностями законодательной деятельности, юридической практики и образования. Помимо сформировавшегося научно-литературного домена, уходящего истоками в наследие М.М. Сперанского, характеристикой Российской Империи были образовательные стандарты преподавания с университетских кафедр местного права. Так, в Дерптском

и Виленском университетах будущие юристы изучали лифляндское, эстляндское, финляндское, курляндское провинциальное право и практическое правоведение, гражданское и уголовное право в бывших польских областях, присоединенных к Российской Империи. Преподавание «гражданских законов, общих, особенных и местных» предусматривалось Общим уставом императорских российских университетов 1835 г.

* * *

Поставленные для обсуждения на конференции вопросы получили разностороннее освещение. Работа конференции может быть оценена как плодотворная и способствующая приращению научных знаний о становлении и развитии государственно-правовой системы России, об основных этапах истории Российской Империи, о закономерностях и особенностях организации и функционировании государственно-правовых институтов.

Сведения об авторах

НИЖНИК Надежда Степановна —

доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России; 196602 г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Софийский б-р., д. 1/2

НУДНЕНКО Лидия Алексеевна —

доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшей профессиональной школы РФ, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; 119572 г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82

Authors' information

NIZHNIK Nadezhda S. —

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of higher school of Russia, head of Department of theory of state and law of Saint-Petersburg University of MIA of Russia; 1/2 Sofiysky bulvar, 196602 St. Petersburg, Pushkin, Russia

NUDNENKO Lydia A. —

Doctor of Law, Professor, Honored Worker of higher a professional school of the Russian Federation, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 82 Vernadsky ave., 119572 Moscow, Russia